

УДК 811.51

Монголо-тунгусские этюды Mongolic and Tungusic Language Sketches

*А. А. Бурькин (A. Burykin)*¹

¹ доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Словарный отдел, Институт лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург). E-mail: albury@rambler.ru.

Ph.D. in Philology (Doctor of Philological Sciences), Ph.D. in History (Doctor of Historical Sciences), Leading Research Associate, Dictionary Department, Institute for Linguistic Studies of the RAS. E-mail: albury@rambler.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются лексические соответствия между монгольскими, тунгусо-маньчжурскими и тюркскими языками, представляющие фонетически сходные слова, распределение которых по языковым группам, образующим алтайскую семью, не объясняется как элементы общеалтайского языка и не отвечает характеру известных лексических заимствований из тюркских языков в монгольские языки и из монгольских языков в тунгусо-маньчжурские языки.

Основа для данного исследования — известные данные по исторической фонетике тюркских и монгольских языков с особым вниманием к позднему состоянию монгольских языков (например, диалектам бурятского языка, дагурскому языку) и к позднему состоянию тюркских языков (казахскому, тюркским языкам Сибири, якутскому языку) с оценкой перспектив дальнейшей структурной эволюции внешнего вида тюркских слов в тех языках, которые могли не сохраниться как живые языки и не были зафиксированы в письменных памятниках на тюркских языках. Особое внимание проявляется к словам с теми фонемами, которые различаются по соответствиям в отдельных тюркских языках и могут иметь рефлексы, не сохранившиеся в живых языках.

Автор предлагает рассматривать такие слова, встречающиеся в изобилии в тунгусо-маньчжурских языках и не принадлежащие к общетунгусскому лексическому фонду, а также некоторые слова монгольских языков как старые заимствования из ныне не существующих монгольских диалектов и

заимствования из ныне исчезнувших тюркских языков, которые были поглощены тунгусо-маньчжурскими языками в I тыс. н. э. Отдельные слова, которые могли принадлежать исчезнувшим тюркским языкам, встречаются в современных тюркских языках, при этом они выпадают из известной системы межтюркских фонетических соответствий.

Ключевые слова: алтаистика, тюркские языки, монгольские языки, тунгусо-маньчжурские языки, ареальные связи, реконструкция, фонетические соответствия, заимствования, исчезнувшие языки.

Abstract. The article examines lexical correspondences between Mongolic, Tungusic-Manchu and Turkic languages represented by phonetically similar words the distribution of which among the Altaic language groups is not explained in terms of common Altaic and does not correspond to the principles of known lexical borrowings from Turkic languages into Mongolic ones and from Mongolic languages into Tungusic-Manchu ones.

The available data on historical phonetics of Turkic and Mongolic languages with special attention paid to the recent conditions of the Mongolic languages (e.g., Buryat dialects and Daghur) and the recent conditions of the Turkic languages (Kazakh, Yakut, Turkic languages of Siberia) and evaluation of perspectives for further structural evolution of Turkic words in those languages that could have fallen into disuse and, thus, were not recorded in Turkic written monuments – served as the basis for the research. Special attention is paid to words containing the phonemes that differ in the correspondences in separate Turkic languages and can have reflections that no longer exist in the living languages.

The author proposes to consider such words that are numerous enough in Tungusic-Manchu languages and are not part of the common Tungusic lexical fund, as well as some words of Mongolic languages — as old borrowings from dead Mongolic dialects and borrowings from disappeared Turkic languages that had been absorbed by the Tungusic-Manchu languages in the 1st millennium BC. Separate words that could have belonged to disappeared Turkic languages can be found in modern Turkic languages but those are out of the regular system of inter-Turkic phonetic correspondences.

Keywords: Altaic studies, Turkic languages, Mongolic languages, Tungusic-Manchu languages, areal relations, reconstruction, phonetic correspondences, borrowings, disappeared languages.

Настоящие заметки имеют несколько целей, и главной из них вовсе не является то, что обычно лежит на поверхности — умножение числа лексических параллелей между монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками и, разумеется, не обоснование ареальных связей между тунгусо-маньчжурскими и монгольскими языками¹. Одна из целей этих этюдов — уточнение и обоснование этимологий или объяснение лежащих на поверхности лексических сближений, не получивших обоснования или не верифицированных должным образом. Другая цель — попытаться выявить в трудном для интерпретации материале те фонетические соответствия и проследить те фонетические изменения, которые отчасти характерны для знакомых нам алтайских языков отдельных групп и которые могли иметь место в каких-то тюркских и монгольских языках, не дошедших до нас, но оставивших следы в виде древних заимствований в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Третья цель, тесно связанная со второй, — определить корпус лексики, которая определено не является общетунгусо-маньчжурской о происхождению, которая составляет альтернативные наименования объектов, обозначаемые явно общетунгусо-маньчжурскими или общетунгусскими лексемами, и которая может рассматриваться как продукт влияния исчезнувших ныне монгольских или тюркских языков на тунгусо-маньчжурские языки и их лексический фонд. Подобная же задача — выявление заимствований из исчезнувших языков соседних групп — оказывается актуальной и для изучения

¹ А. М. Щербак в 1990-е гг., пытаясь разубедить автора в приверженности к идее генетического родства алтайских языков, как-то сказал: — Извлеките из лексики тунгусо-маньчжурских языков весь монгольский материал и сами посмотрите, что останется. Нашим ответом на это было следующее: — Мы уже извлекли из лексики тунгусо-маньчжурских языков все палеоазиатские заимствования, и теперь можем сказать, что остается в тунгусо-маньчжурской лексике без них. — И что же? — спросил убежденный контралтаист. — Остается только то, что имеет надежные монгольские и тюркские параллели. — был ответ. То же было проделано нами с разнообразными заимствованиями в нивхском языке, причем оказалось, что мнимая специфика его лексического состава сформирована айнскими заимствованиями [Бурькин 2016].

лексики монгольских и тюркских языков, на что указывают в том числе и рассматриваемые ниже примеры. Опытотом решения подобных проблем, отчасти также оказывается предпринятая работа.

1. «Копье» — *п.-мо. jida* — *тунг.-ма. гида*

Тунгусо-маньчжурское название копья с легко восстанавливаемым архетипом *гида хорошо известно: *эвенк.* гида ‘копье; рогатина’; *сол.* гида ‘копье’, *эвен.* гид ‘копье; рогатина’; *нег.* гида ‘копье; рогатина’; *ороч.* гида ‘копье; рогатина’; *уд.* гида ‘копье; рогатина’; *ульч.* гида ‘копье, рогатина’; *орок.* гида ‘копье, рогатина’; *нан.* гида, ‘копье; рогатина’; *ма.* гида ‘копье (с острием на две стороны)’; *чж.* kih-tah (гида. — *А. Б.*) ‘копье’ [ССТМЯ 1: 148–149].

Авторы ССТМЯ указывают на параллели к этому слову: *п.-мо.* jida ‘копье’; jidala- ‘пронзить копьем’, *монг.* жад ‘копье’; жадла- ‘колоть, пронзять копьем’, *бур.* жада ‘копье’; жадал- ‘колоть, пронзять копьем’ и *др.-тюрк.* jida [< монг.] ‘копье’ [ССТМЯ 1: 148–149]. Ср. также *калм.* жид ‘копье’. На эти же сходства ранее указывал М. Рясянен [Rasanen 1969].

При понятности и убедительности сравнения монгольской и тунгусо-маньчжурской лексемы остается неясным и необъяснимым соотношение начальных согласных — монгольского *ǰ*- и тунгусо-маньчжурского *g*. Единственный пример на подобное соотношение таких согласных — *эвенк.* зиктэ ‘1) ягода; 2) голубика’; *эвен.* ги:т ‘голубика, черника’; *нег.* зиктэ ‘голубика, черника’; *ороч.* зиктэ ‘голубика’; *уд.* зиктэ ‘голубика’ [ССТМЯ 1: 256], с отсылкой на отдельную статью с *эвенк.* зиксингэ ‘1) черника; 2) смородина (черная)’; *ульч.* дустэ ‘голубика’, *орок.* досокто ~ дусиктэ ‘черника; голубика’, *нан.* дусиктэ ‘голубика’, *ма.* дукси ‘голубика’ [ССТМЯ 1: 256], где мы имеем начальный *g* на месте общетунгусо-маньчжурского *ǰ*-, причем сохраняющегося во всех языках, кроме эвенского. Этот пример попал в поле зрения В. И. Цинциус [Цинциус 1949: 211], которая, однако, оставила его без комментариев.

Пример с эвенским *ги:т* ‘голубика’, которое явно вторично на фоне других тунгусо-маньчжурских форм с *ǰ*- наводит на размышления относительно того, что и общетунгусо-маньчжурское *гида*

‘копье’ выглядит вторичным по отношению к *монг.* *ǰida*. Мы не располагаем материалами для того, чтобы рассматривать согласный *ǰ* как результат палатализации **g*-, вместе с тем трудно признать *монг.* *ǰida* и *т.-ма.* *гида* случайными совпадениями.

Напрашивается предположение, согласно которому *т.-ма.* *гида* ‘копье’ было заимствовано из какого-то монгольского или даже не обязательно монгольского языка (возможно, как станет ясно ниже, из тюркского), в котором начальный среднеязычный согласный *ǰ*- или его архетип перешел, возможно, за счет нескольких стадий эволюции, в заднеязычный согласный *g*-. В ранних материалах по бурятскому языку и его диалектам фиксировались формы типа *g-ara* ‘луна’, *g-ukэ* ‘топор’, *g-юg-уй* ‘ночь’ [Будаев 1992: 45]. Вероятно, название копья проникло в тунгусо-маньчжурские языки из того монгольского диалекта, для которого было характерно такое же явление, ставшее редкостью в документированной истории монгольских языков.

Примеры на подобный переход *ǰ > g*, абсолютно симметричный и параллельный переходу *s > h* (*x*), известному в бурятском, долганском и эвенском языках, а также в эвенкийских диалектах, будут также рассмотрены далее.

2. Монг. зэс, тюрк. *jez* ‘медь’ и его рефлексy в тунгусо-маньчжурских языках

То, что названия металлов в алтайских языках представляют собой культурные термины, заимствуемые из одной группы языков в другую, и сходства в их названиях сами по себе не доказывают родства языков — факты общеизвестные. Менее известно то, что формы названий металлов в отдельных языках и группах языков могут восходить к таким состояниям языков-источников заимствований, которые ныне не засвидетельствованы ни письменными памятниками, ни живыми языками. Опыт изучения названий металлов в нивхском языке показал, что в этом языке все известные названия металлов (и даже название кремня) заимствованы из разных языков, однако все они в той или иной форме подтверждают реконструкцию древнего состояния нивхского языка, идентифицированного нами

с особой ветвью тунгусо-маньчжурских языков, и соответствуют разным стадиям эволюции нивхского языка, выводимым из сделанной реконструкции [Бурыкин 2005].

О названиях металлов и их сплавов в алтайских языках существует обширная литература (см. [Цинциус, Бугаева 1979]), однако названные авторы не охватили всего материала, представленного в тунгусо-маньчжурских языках. Некоторые дополнения к истории и этимологии этой группы лексики были сделаны нами [Омакаева, Бурыкин 2010].

Э. В. Севортян подробно рассмотрел тюркские формы названия меди с архетипом *йэз [Севортян 4: 168–169], согласившись с мнением, что *монг.* зэс — заимствование из тюркских языков и обратив внимание на ряд обратных заимствований этого слова тюркскими языками северо-восточного ареала, а также заимствования *якут.* дьэс ‘красная медь’, попавшего в эвенкийский язык, из монгольских языков [Пекарский 1958: 816].

Варианты названия меди *п.-мо.* јес, јис, јед, (*калм.* зес) не привлекали особого внимания специалистов, хотя они и соотносятся с тюркском названием меди *јез*, и, также, очевидно, представляют собой заимствования из тюркских языков — в то же время они весьма интересны и значимы для общей группировки названия меди в алтайских языках. Проблема заключается в том, какой архетип могло иметь тюркское название этого металла, и сколько примеров среди разнообразных названий меди можно выявить в современных тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Колебания *z – ġ* в ауслaute монгольских слов не позволяют однозначно сделать заключение о том, что в конце этого слова был согласный *z*, и заставляют думать о том, что в этой позиции мог находиться интердентальный *ġ*.

Один из вариантов названия меди в тунгусо-маньчжурских языках, ускользающий от внимания исследователей — это *уд.* тэуси ‘1) медь, латунь; 2) бронза’; тэусимэ ‘1) медный, латунный; 2) бронзовый’; *орок.* тэвус, тэвуси ‘1. медь; 2. медный’; *нан.* тэусае ‘медь’, *ма.* тэјсун ~ тэјшун ‘медь (желтая, из смеси красной меди и свинца)’ [ССТМЯ 2: 242]. Данный пример сам по себе чрезвычайно интересен. Во-первых, при явной выводимости его из тюркского

jez, где начальное *m*- всего лишь глухой коррелят звонкого *ð*-, фигурирующее среди рефлексов инициального *й*- в тюркских языках по реконструкции Б. А. Серебренникова [Серебренников, Гаджиева 1986; Сравнительная грамматика 1984], (такие рефлексы его есть в якутском, ср. *тыал* 'ветер'). Во-вторых, маньчжурские примеры имеют в ауслaute комплекс *-ин*, присутствующий в других обозначениях меди, которые также не являются исконными в тунгусо-маньчжурских языках. Однако данный пример является как бы промежуточным между формой *jez*, ставшей для нас временной точкой отсчета, и иными формами, представляющими далеко зашедшие стадии эволюции начальных и срединных согласных в тюркских языках по их отражениям в заимствованиях в другие языки.

Самый интересный из интересующих нас примеров — *эвенк.* гэгин 'медь', *эвен.* геуан (г'е'хан) 'медь (желтая)', *нег.* гиуин 'медь', *ороч.* гэу(н-) 'медь', *ульч.* геу(н-) (гјау) 'медь; бронза'; геума 'медный', *ороч.* геу(н-) 'медь'; геума 'медный', *нан.* гио(н) (гива(н)) 'медь; латунь, бронза', *ма.* г'ован 'медь (красная)' [ССТМЯ 1: 177].

Для этого слова авторы ССТМЯ, позже писавшие о названиях металлов в алтайских языках, не выявили никаких аналогий. В то же время в этой форме севернотунгусские примеры, более архаичные, чем южнотунгусские, указывают на иинтервокальное *-y-*, которое может восходить к *z* и представлять собой аналог изменений *z > y* как параллель изменений *s > h*, и, главное, то же можно видеть и в начальном согласном при стадиях эволюции *j > j' > y* — последнее звено этой цепочки мы видели в необъяснимом соответствии слов *jida ~ гуда*.

В качестве одной из стадий или вариантов изменений слова-названия меди в тюркских и тунгусо-маньчжурских языках надо привести и рассмотреть также *эвенк.* чучин, чучун 'медь', *эвен.* чучурми 'медь (желтая)' [ССТМЯ 2: 418]. Эта форма, хотя источники ее в ССТМЯ не указаны, явно восходит к тюркским языкам, ср. *др.-тюрк.* соđın 'медь' [ДТС: 151]¹. Аргументы в пользу го-

¹ Сравнение этого слова с названием чугуна в некоторых тюркских языках [Сравнительная грамматика. Лексика 2000: 410] неубедительно и по существу недоказуемо.

могенности этого слова с *jez* и его рефлексами его праформы или его аналогами таковы: начальное *ч*- входит в состав рефлексов общетюркского **j*- (ср. тувинский язык); интердентальный *ḍ* усматривается в эквивалентах монгольской формы **ḷ* в монгольских же языках. Интердентальный *ḍ* отражается как *ч* в целом и весьма объемном ряде тюркизмов, зафиксированных в маньчжурском и «чжурчжэньском» (хронологически ранняя форма маньчжурского, документированная другим видом письма) языках (ср. *ма.* хучин ‘колодец’, гэчулэхэ ‘одежда’ и т.п.), а формы с конечным *-in* нам уже знакомы по *маньчж.* тэйшун и будут рассматриваться ниже.

Известны еще два названия меди в тунгусо-маньчжурских языках, включенные в одну статью ССТМЯ, одно из которых имеет точную монгольскую параллель: *эвенк.* чйриктэ ‘медь (красная)’, *эвен.* чирит ‘медь (красная)’, *нег.* чиктэ < чйриктэ ‘медь (красная); бронза’, *ороч.* чйктэ < *чйриктэ ‘медь (красная)’, *уд.* чикто ‘медь, латунь’, *ульч.* чйриктэ ‘1) медь (красная); латунь; 2) бронза’; *чирумэ* ‘1) медный, латунный; 2) бронзовый’, *орок.* чйриктэ ‘бронза’, *нан.* чйриктэ ‘бронза’; *ма.* сирин ‘медь’; сирин моро ‘медная чашка’; сирин сајфи ‘медная ложка’, *чж.* sih-li ‘медь’, *п.-мо.* siḡin ‘бронза, медь’ [ССТМЯ 2: 399], не имеющее отсылок к другим статьям этого словаря и не имеющее указаний на параллели в других языках.

Э. В. Севортян в статье *йэз* — медь эти формы не упоминает, ограничиваясь явными фактами межалтайских заимствований. В чувашском языке для латуни присутствует форма *йёс* — явное татарское заимствование, медь *пăхăр*. Конкретных данных для реконструкции **jer*’ [Сравнительная грамматика. Лексика 2000: 403], кроме традиционных общих установок, не имеется.

Соотношение — фактическое тождество *ма.* сирин ‘медь’ и *монг.* siḡin ‘бронза медь’, при системном сходстве этих форм с известными формами *jez*, *зэс*, — *с*- как один из рефлексов общетюркского **j*- в якутском языке и *р*, корреспондирующее с *z* как проявление ротацизма в классических алтаистических построениях, дает нам еще одно указание на то, что в ауслауте названия меди должно было находиться конечное *-in*, и, пожалуй, самое глав-

ное — это пример указывает на то, что если в тюркских языках и была возможность перехода z или \check{d} в сонант r , то такое изменение могло иметь место при единственном условии — оглушении начальных согласных, и соответственно вторичности всяких проявлений оглушения от тотального наличия глухих в инициальной позиции до вторичных озвончений. Аналогом этих изменений является чередование начальных согласных $m//p$, $m'//pu$ в нивхском языке (и тотальная замена указанных согласных их коррелятами в интервокальном положении, на чем основывается предложенная нами пранивхская реконструкция). В нивхском языке, в котором в начале слова оппозиция звонких и глухих заменена оппозицией непридыхательных-придыхательных согласных или попросту утрачена там, где соответствия непридыхательных нивхских согласных звонким согласным тунгусо-маньчжурских языков не отмечаются (там глухие), что как раз указывает на фактор, определяющий данные изменения переднеязычных и среднеязычных спирантов или сопутствующий им, сопряженный с ними.

Сказанное означает, что архетип для *ма. сирин* и *монг. sirin* должен восстанавливаться как **sidin*, и это сближает его одновременно и с формой *codin*, известной в тюркских языках, и с формой *jez*, особенно с ее филиациями, указывающими на ауслуатный \check{d} .

В итоге для названия меди в алтайских языках восстанавливается такая система праформ, каждая из которых, как следует думать, должна соответствовать определенному пратюркскому диалекту:

1. * $\check{d}(i)\check{d}in > sidin > cirin \sim$ сирин / *sirin* ~ чириктэ
2. * $\check{d}(o)\check{d}in > codin >$ чучин
3. * $\check{d}(e)\check{d}in > \check{d}ez(in) >$ тэуси ~ тэйшун
4. * $\check{d}(e)\check{d}in > \check{d}ez(in) >$ jez ~ зэс
5. * $\check{d}(e)\check{d}in > \check{d}ezin > \check{d}edin >$ гэгин.

Для чего нужны нам эти примеры в их совокупности?

Во-первых, они показывают, что ротацирующие формы могли быть заимствованы конкретно из тюркских языков и только после оглушения начальных согласных в тюркских языках — в другой хронологии изменений для «ротацизма» отсутствуют условия.

Во-вторых, условиями для ротацизма, помимо преобразования оппозиции шумных и устранения звонкости-глухости является, во-первых, конвергенция \vec{d} и z , во-вторых, подобное изменение, учитывая факты нивхского языка как типологический аналог ротацизма, возможно только в интервокальном положении, но никак не в ауслауте¹.

В-третьих, становится понятным, что единственным критерием трактовки монгольского *зэс* 'медь' как тюркизма, то есть проникновения его в монгольские языки из общетюркского лексического фонда, из общетюркского праязыка, претерпевшего ряд идентифицирующих его изменений, остается отсутствие ауслаутного комплекса *-in /-in*.

Монг. *siḡin* и *ма.* *сирин* 'бронза' медь' заимствованы из какого-то пратюркского диалекта, еще сохранявшего общеалтайские ауслаутные комплексы гласный+согласный — именно поэтому в нем и мог иметь место «ротацизм». Конвергенция начальных \vec{d} , \vec{j} , n , n' , $l > j$, знакомая алтаистам, могла иметь место только до оглушения начальных согласных или в ином диалектном континууме, где «ротацизма» быть вообще не могло — он был возможным, как оказалось, только в условиях оглушенности начальных шумных.

Нельзя исключать того, что *монг.* *зэс* восходит к тому состоянию тюркских языков, когда в них еще не было тотального изменения начальных согласных с конвергенцией их в общетюркский $*j-$, но уже исчезли ауслаутные комплексы гласный + согласный.

Форма *codin* восходит к такому пратюркскому диалекту, в котором «ротацизма» не было, и в котором в поздних состояниях интердентальный \vec{d} дал $ч$ — рефлекс, неизвестный ни по живым тюркским языкам, ни по письменным памятникам на тюркских языках, но известный по тюркским заимствованиям в маньчжурском языке (ср. *ма.* *хучин* 'колодец', *гэчулэхэ* 'одежда' и т. п.) — следствием чего является форма *чучин* 'медь'.

¹ Мы не имеем в виду иллюзорный ротацизм-ламбдаизм, когда тюркские z и *sh* являются остатками кластеров *pz*, *рч*, *лз*, *лч*, в которых плавный утрачивался, а z и *sh* являются отражением среднеязычных [Бурыйкин 2005б].

Формы *тэйшун* ~ *тэусин* происходят из такого пратюркского диалекта, в котором либо имело место изменение $ч > т$, либо, что менее вероятно, $ǰ > j > d > t$ — второе и третье звено этой цепочки характеризует судьбу общетюркского j — в алтайском (ойротском) языке, а конечное — в отдельных примерах из якутского.

Загадочные до поры до времени формы *гэгин* ‘медь’ выводимы из формы с начальным и срединным j — среднеязычной аффрикатой или спيرانтом z , соотносящимся с иными формами названия для меди в пратюркских или архаических тюркских диалектах. Важно, что данные формы, также по-своему документирующие факты тюркских языков, по существу элиминируются из обсуждения эволюции форм с оглушенными согласными (иначе мы имели бы в *т.-ма.* примерах не z -, а $х$ или $к$, особенно в инлауте), и соответственно — форм с ротацизмом. Форма *гэгин* пополняет нашу коллекцию пратюркских диалектов, сохранивших ауслаутное *-in* в названиях меди и обладающих такими свойствами, какие не встречаются в современных тюркских языках.

Исходя из сказанного, пратюркским архетипом названия меди оказывается $*\acute{d}edin \sim *d\acute{i}din, \sim *d\acute{o}din$ — тогда источником всех приведенных выше пратюркских диалектных названий меди может быть китайское *qing¹tong²* (цзинтун) ‘бронза’. В этом случае перед нами окажется пример эволюции китайского двусложного слова — биннома (ср. *kum. tong²* ‘медь’) за счет изменений, ожидаемых для общетюркского (выпадение преконсонантного согласного в данном случае, исключаяющего даже иллюзорный «ротацизм»), и отпадение ауслаутного комплекса *-in*) образуется тюркский односложный корень, вида CVC, который еще недавно считался эталонным для тюркских языков в общетюркском состоянии.

Итог пространных рассуждений — обоснование того, что *т.-ма.* гада ‘копье’ и гэгин ‘медь’ имеют общий языковой источник, по-видимому, представляющий монгольский диалект под тюркским влиянием или даже пратюркский диалект. Насчет того, является ли название копья культурным термином, можно спорить. В алтаистике укоренилось представление о том, что какая-то

этническая группа-культуртрегер снабжала другие этносы всеми культурными словами начиная с названий одежды, домашнего скота и предметов, связанных со скотоводством, металлов и т.д. Сомнительно такое, однако.

3. Эвенк. гэлки 'рысь' — монг. *silegüsün* 'рысь'

Эвенк. диал. гэлки 'рысь', привлекающее наше внимание в связи с не вполне понятными корреспонденциями начальных среднеязычных и заднеязычных согласных — лишь одно из почти десятка названий рыси в тунгусо-маньчжурских языках, при этом причины такого разнообразия не имеют объяснения, а ссылаться на табуированный характер названия редкого хищного животного с красивым и ценным мехом не означает дать объяснения явлению: табуированные названия тоже должны восходить к каким-то языковым фактам, поддающимся интерпретации.

Сводка наименований рыси в тунгусо-маньчжурских языках выглядит следующим образом:

1) Эвенк. гэлкй (западные диалекты) зоол. 'рысь' [ССТМЯ 1: 179].

2) Нег. дэјэхэ зоол. 'рысь' [ССТМЯ 1: 230].

3) Эвенк. зукту зоол. 'рысь' [ССТМЯ 1: 271].

4) Эвенк. надамай [*<*эвен.] зоол. 'рысь'. Эвен. нэ:дэ:ми 1) рысь; 2) росомаха¹; нэдамис '1) шкура рыси (выделанная); 2) шкура росомахи (выделанная)' [ССТМЯ 1: 576].

5) Эвенк. нонно; норно [*нонро] 1) зоол. 'рысь'; 2) 'песец'; нондоксо (нон-ноксо, норноксо) 'шкура рыси'; нондомо (нонномо) 'охотиться на рысь' [ССТМЯ 1: 606].

6) Эвенк. н'ёкалан 'рысь' [ССТМЯ 1: 636] Се:калан нет в корпусе словаря.

¹ Значение *росомаха* — вероятнее всего, ошибка информанта, перепутавшего похожие русские слова *рысь* и *росомаха* — ошибка, которая осталась не замеченной исследователями. Такое встречается — в ценном словаре по карачаево-балкарскому языку составитель (нелингвист) перепутал русские слова *малек* и *моллюск*, использовав последнее для обозначения рыбьей молоди. То же можно сказать и о значении «кошка» (см. пункт. 9) информант мог не знать русского слова *рысь*.

7) *Ма.* силун ~ шулун [*<мо.*| *зоол.* ‘рысь’ — *п.-мо.* silügüsün *зоол.* ‘рысь’. *монг.* шилүүс(эн) *зоол.* ‘рысь’, *бур.* шэлүүхэ(н) *зоол.* ‘рысь’ [ССТМЯ 2: 85].

8) *Эвенк.* тибзакэй (тивзаки) *зоол.* ‘рысь’. *Сол.* тигдэхэи ~ тирди-хи *зоол.* ‘рысь’, *нег.* тибзэ (тугзэ) ‘рысь’; тибдэхсэ ‘рысья шкура’; тибзэхсэмэ ‘сделанный из рысьих шкур’. *Ороч.* чибдаки (чибзахи) *зоол.* ‘рысь’. *Уд.* тибзэхэи *зоол.* ‘рысь’. *Ульч.* тугдэ *зоол.* ‘рысь’; туггэймэ ‘сделанный из рысьего меха’. *Орок.* тугдэ (тугзэ) *зоол.* ‘рысь’; тугдэкэ ‘рысья шкура’; тугдэмэлунн’э ‘в одежде из рысьего меха’. *Нан.* тугзэ (тибзики, тубзэ) *зоол.* ‘рысь’ [ССТМЯ 2: 174].

9) *Эвенк.* сузаки ‘кошка’ [ССТМЯ 2: 120].

Самый прозрачный случай из всех примеров — *ма.* силун ~ шулун ‘рысь’, формы слова заимствованы из разных состояний монгольского языка.

Эвенкийская диалектная форма *зукту* ‘рысь’ весьма похожа на название рыси в чукотско-камчатских языках, ср. *чук.* ивтун ‘рысь’, хотя здесь возможны и иные решения. *Эвенк.* и *эвен.* нэдэми ‘рысь’ с долей фантазии может быть сопоставлена с *ненецк. вост.* сармик ‘зверь’ (в других диалектах ‘волк’), ср. *ненецк.* няхарм ‘хадита сармик ‘рысь’ (букв. трёхкогтистое животное), пэдара’ сармик ‘рысь лесное животное няхарм’ хадита *вост.* ‘рысь’ (с тремя острыми (когтями).

Формы *некалан*, *секалан* можно рассматривать как заимствованные из каких-то языков с модификацией сибилантов по якутско-долганскому образцу и восходящие к *тюрк.* arslan ‘лев’, заимствованному в монгольские языки, ср. *arsalang* ‘лев’, *erseleng* ‘львица’ [Севортян 1: 169–171], однако конечное *-ng*, вопреки Э.В. Севортяну, могло сохраниться в монгольских языках как более древняя форма, нежели документирующее слово тюркские факты. Ср *солон.* арсала(н), арчала(н), *ма.* арсалан ‘лев’, *мо.* arsalang ‘лев’ [ССТМЯ 1: 52], эрсэлэн ‘львица, лев с желто-красной или желто-зеленой шерстью’ [ССТМЯ 2: 465]. Эти формы при потере преконсонантного *-р-* по той модели, которая характерна для изменения групп согласных в тюркских языках от пратюркского

состояния, переходе $s > h$ с регулярным отражением последнего как $-k^{-1}$ и при появлении компенсирующего согласного могли дать формы *некалан*, *секалан*.

Форма *гэлки* 'рысь' вряд ли может иметь свой источник непосредственно в виде бурятского *шэлүүхэн* 'рысь'. Как мы уже отметили, в ранних материалах по бурятскому языку и его диалектам фиксировались формы типа *г-ара* 'луна', *г-укэ* 'топор', *г-ю*, *г-уй* 'ночь' [Будаев 1992: 45]. Для позиции внутри слова такой факт отмечен в трудах по бурятской диалектологии: ср. [Будаев 1986: 27]. Нам ясно, однако, что мы имеем дело не с фактами бурятских диалектов, близких к современным, а с гораздо более ранним явлением — в форме *гэлки* заднеязычный не только сохраняется, но является глухим, в то время как в современном бурятском языке и живых монгольских языках он вообще исчез: нет в форме *гэлки* и следов вторичной долготы гласного. В том монголо-бурятском диалекте, из которого могла быть заимствована форма *гэлки*, синкопа гласного второго слога опередила стяжение комплекса *-ага-/-еге-*, что воспрепятствовало образованию вторичной долготы, и, кроме того, суффикс *-sun*, встречающийся в известном нам монгольском слове для рыси, в форме *гэлки*, видимо, отсутствовал изначально (его коррелятом и исторической корреспонденцией являются *т.-ма*. суффиксальные комплексы *-кта*, *-кса*, где *к* — конечный звук основы или отдельный суффикс).

В качестве общетунгусо-маньчжурского названия рыси надо признать *эвенк.* тибзаки 'рысь' ~ *нан.* тугдэ 'рысь', во-первых, документированный большинством языков, во-вторых, показывающий закономерные соответствия для тунгусо-маньчжурских языков. Архетип этого слова не вполне ясен: **ту(j)за-* или **ту(j)за-* с суффиксом названий животных *-ки*, обычно отсутствующий в

¹ Ср. *нег.* маки 'шкура с головы медведя' и др. [ССТМЯ 1: 522], понимаемое только как проявление *тюрк.* *başı* 'его голова' в форме, близкой к якутской (*якут.* *баһа* 'его голова'), но имеющей закономерное *-и* как possessивный показатель 2 л. ед.ч. и начальное *т-*, возможно, архаичное по сравнению с общетюркским *b-*.

ожнотунгусских формах [Болдырев 1979]. Интригуют соотношения этой формы с *монг.* *silegüsün*, где, возможно, после утраты лабиального или заднеязычного согласного из семейства *p'*- или *k'*-, имел место переход среднеязычного в *l* — ламбдаизм¹.

Монг. *silegüsün* как название рыси широко распространено в тюркских языках. М. Р. Федотов привел часть параллелей при *чуваш.* *çулёвёç* (оба с хвостом у с точками е краткое) 'рысь', указав на монгольские параллели, но не отметив заимствованного характера слова в тюркских языках [Федотов 1996, 2: 147–148]². В.Г. Егоров [Егоров 1964: 223] считал чувашскую и сходные с ней тюркские формы монголизмами, и это оправдано. *Алт.* *шүлүзин* 'рысь' — явный монголизм.

Якут. *үүс* 'рысь' [Пекарский 1938: 3184] могло бы быть модификацией формы, сохраняющейся в *монг.* *silegüsün* (с утратой начального *s*- закономерной для якутского, и потерей двух слогов внутри типа *монг.* хорхинцог 'стручок' — *тат.* кузак 'стручок'), однако аналогичные формы встречаются в сибирских тюркских языках. Ср. *хакас.* *үс*, *шор.* *үс*, *тофалар.* *үс*, *сойот.* *үс*, *тув.* *үс* 'рысь' (= дырбактыг).

Нивх. т'лыг-и 'рысь' по форме сходно с монгольским *silegüsün*, но оно не имеет конечного суффикса, идентифицирующего формы как явные монгольские заимствования — то же самое мы видели в форме *гэлки* и ее более раннем источнике, Если это слово и может считаться заимствованием, то его придется признать только заимствованием из каких-то весьма ранних, древних монгольских языков. Дагурское *шулу:с* 'рысь' в тунгусо-монгольской проблематике не представляет ничего интересного.

¹ Ср. впрочем, *тув.* *дырбактыг* 'когтистый' — одно из названий рыси (*тув.* *үс*).

² В словаре М. Р. Федотова [Федотов 1996, 2: 147] для калмыцкого языка в качестве названия рыси в одном ряду с рассматриваемыми нами формами приведено слово *халун*, взятое из Русско-калмыцкого словаря [Русско-калмыцкий словарь 1964: 624], которое во всех монгольских языках имеет значение «выдра», рысь по-калмыцки — *шилүсн* [Калмыцко-русский словарь 1977: 673].

4. П.-мо. *ᠰᠢᠷᠠᠭᠠᠢ* — тюрк. сордон — т.-ма. зачин. эвен. готкэн 'щука'

В монгольском языке, по материалам БАМРС, представлены несколько названий щуки: цурхай, *калм.* цурх, гөөшин загас 'амурская щука', улаан дэлбэ загас 'амурская щука', хар загас 'щука', ЦОРД загас 'небольшая щука', ЦУРГА загас 'щучка, щука', ЦУРХАЙ загас 'щука', ШОРД загас 'небольшая щука'.

Ясно, что формы с корнем *цур ~ cīru-* должны считаться собственно монгольскими. Форма **шорд** может быть гомогенной с вышеотмеченными формами, но может быть и тюркизмом — заимствованием из языка типа казахского с переходом аффрикаты в спирант. *Бур.* сордон 'щука' *барг.* [Черемисов 1953: 406] — тюркизм.

В Этимологическом словаре чувашского языка М. Р. Федотова при *чуваш.* *ᠰᠢᠷᠲᠠᠨ* 'щука' [Федотов 1996, 2: 98–99] дается просто сводка материала, у В. Г. Егорова [Егоров 1964: 208] тюркские и монгольское *цурхай* сравниваются без пояснений. М. Ряснен [Rasanen 1969: 116] указывает на архаическую форму тюркского названия щуки *чортан*, там же отдельно приводятся формы, соотносительные с *чорагай* как монголизмом.

В тунгусо-маньчжурских языках наименования щуки разнообразны.

1) *Эвенк.* гуткэ:н (гуткэс'он, гуткэ-чэн) 'щука', *эвен.* гө:ткэн щука, *ороч.* гучэ омми 'щука', *уд.* гуэсэ 'щука', *нан.* гучэ (гуцэ) 'щука', гучэ гор'ани 'дурь' (*досл.* 'щучье безумие'); гучэксэ 'кожа щуки' [ССТМЯ 1: 175]. Ср. *чук.* юуткуыннээн 'щука'.

2) *Нег.* зачйи 'щука (большая)', *ороч.* задиги 'название рыбы' [ССТМЯ 1: 254];

3) *Орок.* йваккаси 'щука' [ССТМЯ 1: 295]; по внешней форме заимствование из японского, но ср. *японск.* kawakamasu 'щука'.

4) *Нег.* койчан 'щука', *ульч.* к,ору 'щука'; корукса 'кожа щуки', *ма.* хоро — хувара 'щука'.

5) *Эвенк.* саканан (хаканан) 'щука (крупная)', *нег.* саханан 'таймень', *ульч.* сакану 'таймень' [ССТМЯ 2: 56];

6) *Эвенк.* сордон [*як.*] (сордон, чордон) 'щука', *сол.* соралдй 'щука', *эвен.* сордох, сордон, ~ хордон [*як.*] 'щука', *бур.* барг. сордон 'щука', *як.* сордонг 'щука' [ССТМЯ 2: 113];

7) *Эвенк.* *һулди* 'щука' [ССТМЯ 2: 344];

8) *Эвенк.* *часйвки* ~ *чэсивки* (чэнивкй) 'щука-травянка' [ССТМЯ 2: 385];

9) *Эвенк.* *чирукај* [<як.] (черукаи, чурукаи, чёрукай) 'щука', *сол.* *соралди* 'щука', *ма.* *чурху* 'молодь рыба', *п.-мо.* *ġigraqai* 'щука', *монг.* *цурхай* 'щука', *бур.* *сурхай* 'щука', *як.* *дорохой* ~ *чорохой* 'щука (молодая, мелкая, маленькая)' [ССТМЯ 2: 400].

Сразу же скажем, что формы *сордон* (6) и *чирукай* (9), явные заимствования из монгольских (не из современного бурятского) и тюркских языков (конкретно из якутского) особого интереса для нас не вызывают. *Монг.* *гөөшин загас* 'амурская щука', похоже, является тунгусо-маньчжурским заимствованием или результатом старых междиалектных филиаций. Форма *һулди* (7) — очевидно, дальнейшее развитие формы, близкой к *сол.* *соралди* (см. примеры под № 6), имеющей странное суффиксальное оформление. *Эвенк.* *часивки* (8) — возможно, заимствование из нивхского, ср. *нивх.* *чатьфп'идь* — одно из названий щуки ('живущая в болоте'). *Эвенк.* *саканан* — вероятно, какая-то модификация *монг.* *цурхай* 'щука'.

Формы *гуткэн* и *зачин* привлекают внимание наличием в них сочетанием разных фонетических признаков в виде разных начальных согласных *ǰ*- и *г*-, что находит свое объяснение, в данном случае — в диалектной дивергенции рефлексов инициальных *с*, и видимо, *ǰ*-, что мы видели для источников формы *гэлки* — 'рысь' и *гида* — 'копье', а также соответствий групп согласных *тк*- ~ *ч*, в данных примерах не распределенным между севернотунгусскими и южнотунгусскими языками, как ожидалось бы (см. [Цинциус 1949: 230]).

Если *гуткэн* и ее соответствия по тунгусо-маньчжурским языкам — не есть старый диалектный монголизм, то *монг.* *гөөшин* (*загас*), — вероятно, обратное заимствование из тунгусо-маньчжурских языков, но заимствование весьма раннее, с сохранением переднерядного *о* и не имеющее севернотунгусского оформления суффиксом *-кан/кэн*, или сохранение диалектного раритета с *г*- на месте среднеязычного. Дифференциация форм *зачин* — *гучин* без внешнего влияния в тунгусо-маньчжурских языках невозможна, и эти формы не имеют аналогов.

Сотношение *т.-ма* зачин и *монг.* цурхай *ĉiruqai* (чарукай, чурукай) — плохо понятно: теоретически возможно, и это можно допустить, что *ĉiruqai* происходит из *ĉiŋugai*, однако по этому поводу мы пока не можем сказать ничего конкретного.

Сейчас нас больше интересуют формы, дающие странный архетип *кору* (в негидальском *й* на месте *р* закономерен: см. [Цинциус 1949: 245] пример 4). С учетом изменения в негидальском эти формы встречаются во всех группах тунгусо-маньчжурских языков хотя бы и по одному в каждой группе (негидальский, ульчский и маньчжурский). Исходя из того, что мы уже наблюдали в монголо-тунгусо-маньчжурских параллелях, начальный *к*- может признаваться ожидаемым рефлексом для начального *с* или *с* – *с* изменениями *с > s > x > k*, переход спيرانта в смычный — в заимствованиях¹. Тогда становится понятным, что тунгусо-маньчжурское *кору* ‘шука’ — ранее заимствование из монгольских диалектов, в которых начальный согласный *ч* за счет нескольких стадий изменений (очевидно, *ч > ц > с > x > к* превратился в *к*).

Нам удастся найти еще некоторое количество примеров, где на месте согласных *с* и *ч* мы находим *к*, как в начале слова, так и в интервокальном положении. Все примеры, приведенные ниже, не принадлежат к общетунгусо-маньчжурскому лексическому фонду и с определенностью могут быть признаны заимствованиями.

Ср. *ма* каксаха ‘сорока’ [ССТМЯ 1: 363] — саксаха, *монг.* *šaŋaŋaŋai* ‘сорока’ [ССТМЯ 2: 54].

Нег. койахи ‘кость плечевая птицы’ [ССТМЯ 1: 404] — *тюрк.* сёнгюк, *казах.* сүйек ‘кость’.

Нан. кэку:кэ: ‘цветок, побег ивы’ [ССТМЯ 1: 445] — *монг.* цэцэг, *тюрк.* *сесек* — Монгольское слово — явный, доказуемый тюркизм, ср. чимчуктэ ‘шишка лиственницы, ели’ [ССТМЯ 2:

¹ Изолированно стоящее *эвен.* *һиркан* ‘нож’ [ССТМЯ 2: 327] возводимо к *монг.* *kituŋa* ‘нож’ или *утха* ‘нож’; очевидно, данное слово заимствовано из языка типа дагурского с ротацизмом дагурского типа, представляющего стадию эволюции языков с уменьшением объема противопоставлений преконсонантных согласных — то, что предшествовало полной утрате первого согласного в сочетаниях согласных в общетюркском состоянии.

395], также *монг.* цоморлог ‘почка, бутон’; неясно, к чему может относиться *монг.* шогшгой ‘шишка дерева’.

Эвенк. кэкэчэк ‘копчик’ [ССТМЯ 1: 445]. Ср. *монг.* кудурга, *тюрк.* кудучак ‘крестец’ — эвенкийское слово заимствовано из языка с заднеязычным *к* на месте интердентального *D*. Похожие изменения ср. *монг.* хусам ‘береза’ при *тюрк.* qaDin — монгольское слово происходит из тюркского языка, в котором интердентальный *D* перешел в *с*, это состояние предшествовало тому, где произошел переход *с* > *х* внутри слова независимо от происхождения этих согласных, были ли они исконными или вторичными.

Нан. хургэ ‘табун’, *ма.* хургэн ‘запряжка скота под один плуг, стадо’ [ССТМЯ 1: 478]. Ср. *монг.* сүрэг ‘стадо’, *тюрк.* сюрюк. — монгольское слово, скорее всего, заимствовано из тюркских языков. *Т.-ма.* формы — возможно заимствование из *бур.* хүрэг < сүрэг. К языку с изменением начального *с*- восходит казахское *кора мал* ‘скот’.

Эвенк. и др. кали ‘карась’ [ССТМЯ 1: 366] — *монг.* салбарс ‘сазан’

Нан. хондо ‘бобы соевые’ [ССТМЯ 1: 470], ср. *монг.* шош ‘боб, бобы’

Ороч. и др. хора(н) ‘лицо’ [ССТМЯ 1: 471] — *п.-мо.* čirai ‘лицо’

Сол. хорил ‘труба дымовая’ [ССТМЯ 1: 471] — *монг.* цорго ‘труба’

Ороч. хэдэ ‘непогода’ [ССТМЯ 1: 480], *монг.* zada ‘ненастье’, *бур.* зада ‘ненастье’; др.-*тюрк.* jadci ‘волшебник, заклинатель’ [ДТС: 222], *якут.* сата [Пекарский 1938: 2122] ‘камень, обладающий силой вызывать непогоду’.

Ма. хэрэ- ‘процеживать’ [ССТМЯ 1: 482] — *монг.* шүүх ‘цедить’. Ср. *тат.* сёз-, *казах.* сүз- ‘цедить’, *тур.* süzmek ‘процеживать’, *нивх.* г-ездь, г-езуд ‘цедить’. Маньчжурская форма заимствована из языка, в котором наблюдался ротацизм, тюркская — из языка, в котором -з- изменился до заднеязычного и вторичной долготы гласного. *Монг.* гоож- ‘струиться процеживаться’, гожгонох ‘течь тонкой струей’, гожгодох ‘бить тонкой струей’ — возможно, отдельная лексема, но не исключено заимствование из тюркского языка с со-

хранившимся *з* и изменившимся анлаутным согласным. Пример *ма*. *хэрэ*- ‘цедить’ ясно показывает, что общетюркская реконструкция глаголов с финальным неприкрытым *з* и *ш* несостоятельна. Такие примеры содержат важные детали относительной хронологии изменений согласных в пратюркском языке и его диалектах.

Аналогичные примеры тунгусо-маньчжурских слов с начальным *х*- имеют тюркские соответствия, не имея при этом монгольских:

Орок. *халчи* ‘болото’ [ССТМЯ 1: 461], ср. уд. *сала*^hа ‘болото (лесное)’ [ССТМЯ 2: 57] **салча* — *тюрк.* *са:з* ‘болото’ [Севортян 7: 155 и сл.]. Сюда же, видимо, относится и *эвенк.* *йаку* ‘болото’ [ССТМЯ 1: 339], происходящее из языка, в котором начальный *с*- оказался на грани утраты, а интервокальный *-з*- изменился в *-к*-, и *эвенк.* *н’арут* ‘озеро’ [ССТМЯ 1: 636] — из языка, в котором *с*- оказалось на грани отпадения, *-з*- изменился в *-р*-, но еще не отпали ауслузные комплексы. Из языка, в котором *-з*- перешел в заднеязычный, но начальный *с*- не отпал, а изменился в *т*-, заимствовано *эвенк.* *тагин* ‘лужа, болото’ [ССТМЯ 2: 151]. Ср. *нивх.* *часьф* ‘болото’, не имеющее близких по форме параллелей ни в тунгусо-маньчжурских, ни в монгольских языках, но совпадающее с тюркским *са:з* ‘болото’.

Сол. *хэсэ* ‘указ’ (< *ма.*), *нег.* и др. *хэсэ* ‘слово, речь, язык’ [ССТМЯ 1: 483] — *тюрк.* *söz* ‘слово, речь’ [Севортян 7: 338–339]. Э. В. Севортян делает очень важное примечание к этой форме: «А. М. Щербак [Щербак 1970: 196] восстанавливает праформу *сö:c*, что по *як.* *өс* и *тюрк(м).* *сөз* едва ли правомерно» [Севортян 7: 338], отмечая там же возможность форм с долгим или полудолгим гласным. Показательно, что в этом конкретном случае при кратком гласном в тюркском слове ротацирующие формы не лежат на поверхности (см. выше *хэрэ*- ‘цедить’). Однако к этому же тюркскому слову восходит, очевидно, *эвенк.* *ту:рэ:н*, *эвен.* *торэн* ‘слово, речь, язык’ (также *нег.* и *ороч.*), *турэ:н*- ‘говорить’ [ССТМЯ 2: 222] — с ротацизмом и переходом начального *с*>*т*, не составляющем экзотики и не единичном (ср. *тагин* ‘болото’). Данная пара примеров показывает, что ротацизм в тех тюркских диалектах, где он имел

место, не связан с долготой предшествующего гласного, а имеет принципиально другие причины и условия реализации.

Нег. хулдан 'гадюка' [ССТМЯ 1: 476] — *тюрк.* йилан 'змея' ср. также *эвенк.* салама 'змея', *нег.* сулама 'змея' [ССТМЯ 2: 57].

Нег. хупэн 'нитки' [ССТМЯ 1: 478] — *др.-тюрк.* jīr 'нить, нить, тесьма, веревка' [ДТС: 267], *тат.* жеп, *казах.* жіп. Заимствование из языка, близкого по типу к языку долган, где начальное *с* изменилось в *h*.

Эвенк. гуран 'низина' [ССТМЯ 1: 173] — *чуваш.* шурлăх 'болото'.

Ср. также *ма.* х'анчила- 'собираться стадом' [ССТМЯ 1: 461], *эвенк.* и *др.* сэсин 'табун' [ССТМЯ 2: 146]. Перекрестные отсылки в ССТМЯ, явные варианты одной лексемы, восходящие к разным источникам, хотя эти источники пока не определяются.

Как можно было догадаться, представленные заметки имеют три цели. Во-первых — объяснить странные и не вполне регулярные фонетические корреспонденции в отдельных словах, явно не связанные с внутренней историей тех языков, для которых эти корреспонденции прослеживаются. Во-вторых — предложить и оформить гипотезу, согласно которой многочисленные «похожие» слова в тунгусо-маньчжурских и отчасти в монгольских и тюркских языках представляют собой старые заимствования, которые не вписываются в традиционные представления об ареальных связях тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, а также предложить этимологии тунгусо-маньчжурских слов-изолятов, являющихся диалектизмами или дублетами в отдельных языках. В-третьих — по материалам ранних заимствований составить представление о внешнем виде тюркских языков и диалектов, точнее — пратюркских диалектов, участвовавших в контактах с языками других групп. Четвертая цель работы, не обозначаемая, но достигнутая — подтвердить адекватность общеалтайской реконструкции и показать, что без предлагаемого нами варианта общеалтайской реконструкции объяснение отдельных фактов истории тюркских языков *невозможно в принципе* — оно выглядело либо как необъяснимый авторский императив, либо как гадание на кофейной гуще.

Условные сокращения

Алт. — алтайский (ойротский), бур. — бурятский, др.-тюрк. — древне-тюркский, зоол. — зоологический, калм. — калмыцкий, кит. — китайский, корейск. — корейский, ма. — маньчжурский, монг. — монгольский, нан. — нанайский, нег. — негидальский, общетюрк. — общетюркский, орок. — орокский, ороч. — орочский, п.-мо. — письменно-монгольский, сол. — солонский, т.-ма. — тунгусо-маньчжурский, тат. — татарский, тюрк. — тюркский, тув. — тувинский, уд. — удэгейский, ульч. — ульчский, чж. — чжурчженский, чуваш. — чувашский, эвенк. диал. — эвенкийский диалектный, эвен. диал. — эвенский диалектный, якут. — якутский.

Библиографические сокращения

БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х томах / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 1. А–Г. 520 с.; Т. 2. Д–О. 536 с.; Т. 3. Ñ–Ф. 440 с. М.: Academia, 2001.; Т. 4. Х–Я. 532 с. М.: Academia, 2002.

ДТС — Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. 677 с.

ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / отв. ред. В. И. Цинциус. Т. 1. Л.: Наука, 1975. 673 с. Т. 2. Л.: Наука, 1977. 992 с.

Литература

Болдырев Б. В. Тунгусо-маньчжурские названия животных с суффиксом -ки, -ка // Теоретические вопросы фонетики и грамматики языков народов Сибири. Новосибирск, 1979. С. 65–75.

Будаев Ц. Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск: Наука, 1978. 302 с.

Бурыкин А. А. Названия металлов в нивхском языке // Кюнеровские чтения (2001–2004). Краткое содержание докладов. СПб.: Кунсткамера, 2005. С. 177–185.

Бурыкин А. А. Тюркские согласные *z, *sh, *D в свете алтаистики: новые интерпретации // Алтайские языки и восточная филология. Памяти Э. Р. Тенишева. М.: Вост. лит., 2005б. С. 96–106.

Бурыкин А. А. Айнско-нивхские языковые связи // Проблемы изучения традиционных сообществ Тихоокеанской России. К 90-летию Ю. А. Сема и Л. И. Сем. Владивосток: Дальнаука, 2016.

Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1964. 355 с.

Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 770 с.

Омакаева Э. У., Бурыкин А. А. Заметки к этимологии названий металлов в алтайских языках // Российская тюркология, 2010. № 2. С. 13–16.

Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. В 3-х т. М., 1958–1959.

Русско-калмыцкий словарь / под ред. И. К. Илишкина. М.: Сов. энциклопедия, 1964. 803 с.

Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. В 7 т. М.: Наука, Восточная литература, 1974–2003.

Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1986. 304 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / под ред. В. И. Цинциус. Т. 1. Л.: Наука, 1975. 673 с. Т. 2. Л.: Наука, 1977. 992 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М.: Наука, 1984.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2000.

Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Т. 1. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. 470 с. Т. 2. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. 509 с.

Цинциус В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Учпедгиз, 1949.

Цинциус В. И., Бугаева Т. Г. К этимологии некоторых названий металлов и их сплавов в алтайских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. Л.: Наука, 1979.

Черемисов К. М. Бурят-монгольско-русский словарь. М., 1953.

Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.: Наука, 1970.

Rasanen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. Т. I–II. Helsinki, 1969–1971.